

История посольских обычаев России

Приложение к информационно-историческому проекту

«История российской дипломатии»

Иван III

Со времен Ивана III перед русской дипломатией встали настолько сложные задачи, что для их решения в конце концов потребовалось создание особого дипломатического ведомства. Вначале вопросы внешней политики входили в компетенцию исключительно самого великого князя и Боярской думы. В качестве послов поначалу направлялись преимущественно иностранцы, пребывавшие в московской службе, — итальянцы и греки, но уже при Василии вытеснили русские.

Василий III

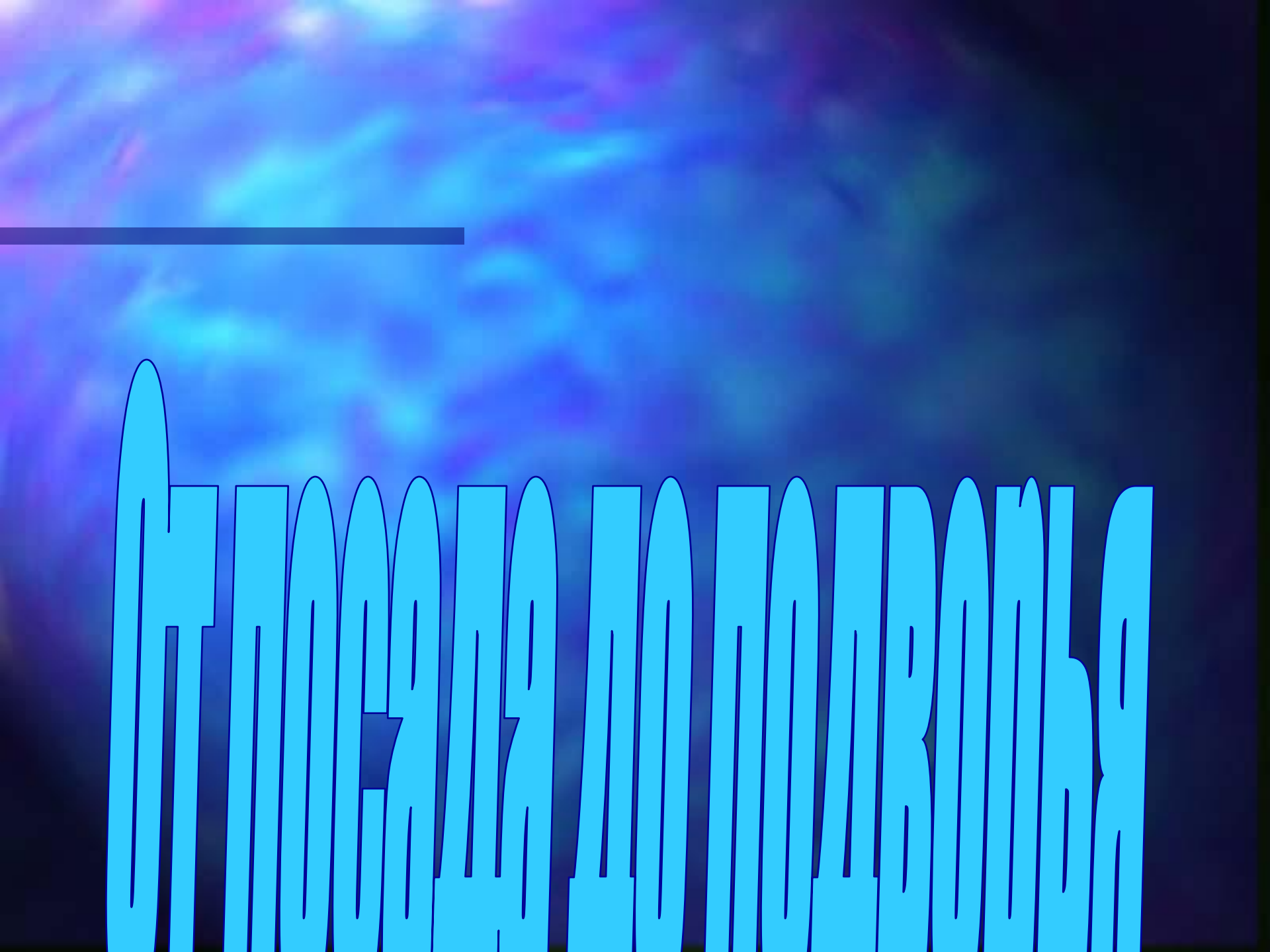

Иван Грозный

В 1549 году Иван Грозный все «посольское дело» передал в ведение подьячего Ивана Михайловича Висковатого. Считается, что этим было положено начало Посольскому приказу как особому учреждению, хотя, как полагают некоторые исследователи, такое ведомство существовало и раньше.

Очевидно, в кругу лиц, так или иначе соприкасавшихся с дипломатической деятельностью, и формировались представления о том, каким должен быть посольский обычай. В России XV—XVII вв. это был именно обычай, опиравшийся на прецедент и опыт; его нормы не были ни записаны, ни собраны в единый свод, ни тем более утверждены какими-то официальными актами, пусть даже в одностороннем порядке. Они сохранялись в памяти, в передаваемой из поколения в поколение носителями которой были посольские дьяки и подьячие, придворные чины, русские дипломаты и государственные деятели, включая самого государя.

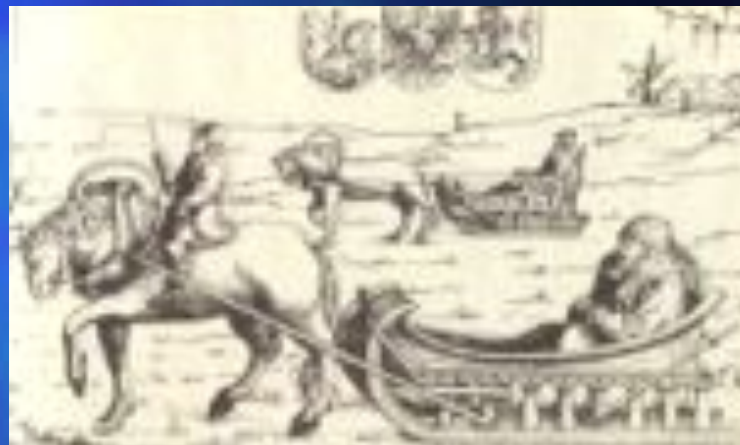
О дипломатической этикете московского двора много писали западноевропейские послы и путешественники, посещавшие Россию в XV—XVII вв., — итальянцы, немцы, англичане, датчане, шведы, поляки. Это были люди разного уровня культуры и разного писательского таланта. Кроме того, общая тональность их записок зачастую зависела от характера приема, оказанного им в Москве, от конкретной политической ситуации. Различной была и судьба их сочинений. Одни многократно переиздавались и были широко известны, другие оказались надолго погребенными в архивах дипломатических канцелярий. Доверять этим сочинениям следует с осторожностью, но как раз о посольском обычае они сообщают сведения чрезвычайно ценные, причем о тех его сторонах, которые русскими источниками не фиксировались. Будучи, как правило, дипломатами, авторы исходили из собственного опыта, описывали события и церемонии с точки зрения участников, непосредственных свидетелей, а не излагали факты, полученные из третьих рук, как-то часто бывало при описании ими других сторон русской жизни.

Торжественное вступление в Москву иностранных посольств, которое наблюдали тысячи москвичей, было увлекательным зрелищем. Сценарий его составлялся заранее, а режиссерами выступали разрядные дьяки и дьяки Посольского приказа.

Они определяли день и время вступления в столицу. Последнее зависело от погоды и времени года, но при небольших колебаниях всегда назначалось на утренние часы. Так было во всех крупных городах, не только в Москве. В 1574 году, например, пристав волошского воевод Богдана, волнуясь, что не сумеет исполнить получение распоряжение, из-под Новгорода писал наместнику о своем подопечном: «Велели есте, господине, ехать в город завтра на третьем часу дни (от восхода солнца) и

он, господине, ездит по своему обычаю, встает на рано»..
месту официальной встречи. Иногда лошадей подводили пути следования от ночлега к посадку или вручали непосредственно перед встречей. Лошади предоставлялись породистые, в дорогом убранстве, под расшитыми седлами, часто с парчовыми нашейниками и поводьями, сделанными в виде серебряных или позолоченных через звено цепочек. Эти цепочки особенно удивляли иностранцев. Звенья у них были широкие и длинные, но плоские. Такие же цепочки, только покороче, привешивались иногда и к ногам коней. При движении они издавали звон, который одним казался необычайно мелодичным, другим — странным. Итальянец Р. Барберини, бывший в Москве в 1565 году, сообщал, будто роскошно одетые русские дворяне на пышно убранных конях сопровождают послов, которые едут «на самых скверных и убранных в дурную сбрую лошаденках». Это сообщение совершенно не заслуживает доверия, оно стоит в прямой связи с общей недоброжелательностью Барберини к России. Некрасивые лошади никак не могли способствовать

*Въезд австрийского
посольства в Москву*

*Впрочем, от царского имени лошади предоставлялись только самим
послам, а свита получала их от лица «ближних людей». Так, в 1593 году
Н. Варкочу и его сыну от Федора Ивановича были посланы аргамак и
иноходец, а свитские дворяне от Бориса Годунова, царского шурина,
получили мерингов. Соответственно различилось и конское убранство.*

*Дипломатам низшего ранга — по своему социальному статусу «молодым
людям» — лошади направлялись не от государя, а от посольских дьяков.*

Часто гонцы въезжали в столицу и на собственных лошадях, ибо сама

*церемония их въезда обставлялась не столь торжественно и привлекала
гораздо меньше зрителей.*

*Въезжать в город послы должны были непременно верхом, что часто служило
причиной ожесточенных споров между ними и русскими приставами. Когда в
1582 году русскому посланнику Ф. И. Писемскому в Англии была предоставлена
от Елизаветы I карета, то соответственно и англичанину Дж. Боусу, на
следующий год прибывшему в Россию с ответным визитом, Иван Грозный
отправил в Ярославль «колымагу».*

«Колымага»

Тем не менее «колымага» осталась на последнем стане перед Москвой, а для торжественного въезда в город послу привели царского иноходца. Правда, о том, что произошло дальше, посольская книга не сообщает, мы узнаем об этом из записок жившего в то время в России английского купца.

Заносчивому и надменному Боусу показалось, будто присланный ему иноходец не так хорош, как конь под встречавшим его князем И. В. Сицким. Отказавшись сесть на иноходца, Боус пошел пешком, потому что, надо полагать, ехать в карете ему тоже не разрешили. Москвичи, собравшиеся полюбоваться зрелищем посольского шествия, которое на этот раз двигалось со скоростью пешехода, были недовольны. Из толпы раздавались адресованные Боусу насмешливые выкрики: «Карлуха!» Как пишет купец, это означало «журавлиные ноги» Вероятно, английский посол обладал долговязой фигурой, и раздраженные москвичи называли его так в издевку.

Такое грубое нарушение церемониальных норм, какое позволил себе Боус, — случай уникальный. Посла простили и оставили инцидент без последствий лишь потому, что Грозный в то время надеялся на заключение англо-русского союза.

Ни от предоставленной лошади, ни от ее убранства нельзя было отказываться, как и от прочих форм царского «жалованья». Потому что милость, проявленная царем по отношению к послу, должна была быть очевидной, демонстративной.

Послам восточным, прежде всего крымским и ногайским, прямо к месту встречи присылались от царя дорогие шубы. В любое время года послы тут же надевали их. В русской дипломатической лексике существовал даже особый термин — «встречное жалованье». В отличие от предоставлявшихся западным дипломатам лошадей, эти шубы переходили в полную собственность ханских посланцев и назад в казну не отбирались. Но в какой-то степени эти нормы имеют под собой общую основу: в них публично проявлялись богатство и щедрость государя. Кроме того, крымские послы, ехавшие по улицам Москвы в пожалованных шубах, служили «чести» царя: на Руси одежду мог дарить лишь старший младшему, подчиненному или подданному, и поэтому русским дипломатам за границей строжайше запрещалось показываться на людях в подаренном им чужеземном платье.

После взаимопредставления и произнесения стереотипных церемониальных формул все вновь садились на коней и процессия чинно следовала в город, на указанное подворье. Дьяки Разрядного приказа, в чьи обязанности входил контроль за соблюдением местнических норм, устраивали всех «по местам», в зависимости от рода и звания, следили, чтобы послам никто не переезжал дороги и «задору им не чинил», поскольку на улицах толпились любопытные москвичи, причем полюбоваться зрелищем посольского шествия многие выезжали верхом.

По традиции приставы и «встречники» должны были ехать с послами в ряд, справа от них. Правая сторона считалась более почетной, и если послам такой порядок не нравился, а обычно так и случалось, то русские располагались от них по обе стороны: старший ехал справа, остальные — слева.

«Корм» ПОСОЛЬСКИЙ

С момента встречи иностранных дипломатов всех рангов у рубежа России они переходили на полное государственное обеспечение продовольствием. В Москве такой порядок считали единственно правильной формой содержания посольств, и в 1585 году Л. Новосильцев, будучи в Вене, с удивлением отметил, что испанский и папский послы, живущие при дворе императора, «едят свое, а не царское». Голландец И. Масса в своих записках неоднократно сообщает, что тот или иной посол в Москве был освобожден царем от всех издержек — для него это обычай, который заслуживал одобрения и незаслуженно не был принят в Европе.

Возможно, такая традиция сохранилась на Руси еще со времен междукняжеских съездов монгольского периода, когда их участники содержались за счет того князя, в чьей земле находились. Действительно, если в России иностранные дипломаты получали съестные припасы с момента вступления на территорию и до пересечения ими границы, то в Персии, например, русские начинали получать «корм» лишь после первой аудиенции у шаха. И в Персии, и в Турции продовольствия прекращалась после прощальной аудиенции («отпуска»).

Русский посланник – Новосильцев думал, что в Турции к нему должны были относиться так же, как в России относились к турецким. Однако, несмотря на лестное и многообещающее заверение, Новосильцеву, как он отмечает в своем статейном списке: «корму на путь не дали никакого». В Крыму русские и польско-литовские дипломаты питались за свой счет; припасы на обратную дорогу давали далеко не всегда, и то в небольшом количестве. Обычай снабжения послов продовольствием был заимствован из восточной дипломатической практики, но в России он приобрел новые черты.

«Корм» выдавался непременно натурой. Когда в 1599 году грузинским послам были выданы на пропитание деньги, хотя мед и пиво продолжали поставляться, это вызвало большое недовольство в Москве.

Датский посол

Продовольствие выдавалось в достаточном количестве. И. Кобенцель писал, что содержание, которое определили его посольству, «не только для тридцати, но и для трехсот человек было бы хорошо». Лишь изредка возникали недоразумения из-за качества и ассортимента продуктов.

Европейских послов всегда снабжали лучше, чем крымских и ногайских, у которых при Иване III даже отбирали назад шкуры съеденных баранов.

«Корм» иностранным дипломатам выдавался в зависимости от их ранга. Здесь, как и во многих других элементах русского посольского обычая, своеобразной единицей измерения служили нормы, принятые в отношении представителей. В XVII в. был принят еще более строгий регламент: посланник получал такое же количество корма, как и третий член «великого» посольства, гонец — как «секретариус», а свита посланника — в два раза меньше.

В 1592 году, например, на 9 день аудиенции у Федора Ивановича польский посол П. Волк, члены его миссии и свита (всего 35 человек) получили следующее продовольствие: 3 баранов, 2 тетеревов, 2 утят, 10 кур, 15 калачей «толченых», ведро меда малинового, по 2 ведра меда «боярского», ведро вина, ведро сметаны, пуд масла и 300 яиц.

Количество и качество «корма» зависели еще и от почестей, оказывавшихся данному посольству.

«Убавка корма», а также отказ в отдельных его разновидностях были знаком царского нерасположения, средством воздействия на послов в рамках русского посольского обычая. Но полностью прекратить снабжение продовольствием считалось невозможным, ибо это было уже нарушением самого посольского обычая, многие нормы которого покоились на представлениях о поселе, как госте государя.